

ИНДИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ И ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

О.А. Егорова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Егорова О.А., 2024

DOI: 10.46573/2409-1391-2024-3-13-19

***Аннотация.** В статье проанализирован образ Индии в контексте мировой философии, а также его отражения посредством юмористической образности в песенном творчестве Владимира Высоцкого. Изучена соразмерность передачи авторской образности в некоторых аналогах стихотворений на английском языке. Отмечено, что результаты лексико-семантического и стилистического анализа образности в стихотворениях В. Высоцкого об Индии показали актуализацию проблематики пародии и доминанту авторских метафорических окказионализмов на основе преломления разговорных фразеологизмов советской эпохи прошлого века.*
Ключевые слова: национальное самоопределение, индуизм, метафора, веды, каламбур, окказионализм, пародия.

История развития социума в Индии тесно переплетена с эволюцией индийской философии, подразумевающей многообразие формаций, простирающееся от абхидхармических матриц, стихотворных и прозаических образцов в сутрах и ведах, трактатов на древнеиндийском санскрите до комментариев постреформационной Индии XX в. Последующий период борьбы за независимость страны вызвал всплеск индийской философской мысли на этапе неоиндуизма с актуализацией индусского коммунизма, характеризующегося стремлением к национальному самоопределению, прогрессу и возрождению классического индийского наследия. Несмотря на то, что ранний коммунизм лишь частично повлиял на историю современной индийской философии, поздний коммунизм независимого государства, в которое постепенно превращалась страна, приобрел значимость в качестве новой идеологической платформы современной Индии. Подобные трансформации в контексте философии обоснованы как внешними идеологическими, так и политическими переменами (в частности, переходом власти от Индийского национального конгресса, преемника гандизма, к партии коммунистического направления «Бхаратия джаната парти», или Bharatiya Janata Party [7]).

Отметим, что первоисточниками индийской философии в далеком прошлом являются шрути, или предания мировоззренческого и религиозного толка, иначе называемые ведами и упанишадами. Основополагающими философскими принципами ведического периода стало осознание мира как живого организма, в котором человек сопрягается с космосом посредством ритуала. В противоположность ведам упанишады утверждают ключевые философские понятия Брахмана как высшей реальности и Атмана, или внутреннего духа. Проповедуя концепт тождественности Атмана и Брахмана, а также идею духовного освобождения через знание, упанишады послужили основой для дальнейшего развития таких философских течений, как веданта и йога. Впоследствии веды обусловили появление прослойки «комментаторской» литературы,

заложившей основу брахманизма как религии и спиритуальности индийской философии, т.е. ее апелляции к духу. Термин «спиритуализм» подчеркивает взаимосвязь философской традиции данной страны с сущностью индуизма и индуистского мифа. Более того, в истории индийской культуры фактор индуизма «... вышел за рамки религии и создал особую систему, регулирующую жизнь индийского общества» [7, с. 3].

Обратим внимание на то, что основой религиозно-философских постулатов индуизма стали понятия дхармы и кармы, или закона воздаяния за совершенные поступки прошлого. В соответствии с законом кармы человек возрождается вновь и вновь, его последующее рождение напрямую связано с поступками в прошлой жизни, т.е. здесь подразумевается идея реинкарнации (перерождения души). Таким образом, уникальная по своей сути индийская философия сформировалась, опираясь на поддержку мифологии и индийского социума, тогда как предполагаемый творец древнеиндийского политического трактата «Артхашастра» Каутилья утверждал следующее: «Философия всегда считается светильником для всех наук, средством для совершения всякого дела, опорой всех установлений» [4]. Более того, многие авторы, исследующие индийскую культурологию (в частности, Р.Б. Рыбаков, Н.Р. Гусева [2], В.А. Пименов [6]) выделяют корреляцию повседневной жизни индусов с ритуалами, которым они отводят значимую часть своего свободного времени. Другими словами, жизнь индуса тождественна ритуалу приобщения индивида к духовной обыденности. Индийская философия, репрезентирующая совокупность традиций и новаторских постулатов, черпающих вдохновение в древнейших памятниках индийской культуры, таких как упанишады, веданта и йога, стала мощным феноменом мировой философской мысли, а ее уникальность и своеобразие послужили триггером для создания ряда поэтических произведений, в том числе и произведений великого мастера авторской песни Владимира Высоцкого.

Целью настоящей статьи является рассмотрение посредством лексико-семантического и стилистического анализа проблематики иронично-пародийного восприятия образа Индии в 5 стихотворениях Владимира Высоцкого, в том числе и стихотворениях с философским подтекстом. Кроме того, проанализирована соразмерность отражения подобной образности в коррелятах на английском языке. Обратим внимание на то, что теоретическую базу научной трактовки пародии подготовил Ю.Н. Тынянов [8], наполняя данный термин новой сутью и констатируя, что пародия часто выступает в качестве пружины, т.е. приема отталкивания при противоборстве «нового» со «старым» в литературной эволюции. В дальнейшем его тезисы были расширены и углублены научными работами В.И. Новикова, который развил тему, заданную Ю.Н. Тыняновым, о «невязке» двух планов в пародии, подразумевая тем самым наличие третьего плана как смыслового ключа жанра: «Пародия не просто "двусмысленность", она обладает сложным, многозначным и конкретным третьим планом, представляющим собой соотношение первого и второго планов как целого с целым» [5, с. 31–32]. Таким образом, В.И. Новиков, впоследствии ставший ярким биографом Владимира Высоцкого, детерминировал пародию как особую модель искусства, характеризуемую слиянием структуры и содержательной составляющей.

В качестве подтверждения вышесказанного обратимся к начальным строкам пародийного стихотворения В.С. Высоцкого «Песенка про йогов» 1967 г. [1, с. 340]:

Чем славится индийская культура?

Вот, скажем, Шива – многорук, клыкаст.

*Еще артиста знаем, Радж Капура,
И касту йогов – высшую из каст.*

Данные юмористические строки были написаны поэтом во времена налаживания советско-индийских отношений на фоне параллельных разногласий с внешней политикой Китая в середине 60-х гг. XX в. На одной из встреч в высших политических кругах в Бангалоре глава СССР Никита Хрущев провозгласил лозунг: «Хинди руси бхай бхай!», или «Индийцы и русские – братья» в переводе с хинди, тем самым выражая официальное одобрение политике наращивания взаимовыгодных контактов между вышеупомянутыми странами. Вскоре в СССР усилилась торговля экзотическими товарами индийской косметологии, предметами из фарфора, пищевой, текстильной и других видов промышленности, тогда как в кинотеатрах страны расширили прокат индийских фильмов. Этот каскад судьбоносных событий в истории Индии Владимир Высоцкий сумел образно раскрыть посредством иронично-пародийных авторских метафор о боге Шиве, рассматриваемом шиваизмом в качестве верховного божества, защитника праведности и управителя всего сущего, тогда как в прочих направлениях индуизма ему присуща ипостась разрушителя Вселенной с целью освобождения пространства для новых творений. В видении поэта возникает отождествление данного божества с изображениями на обложках советских журналов и плакатах, визуально притягивающими обывателя наличием множества рук. Далее Владимир Высоцкий упоминает в развернутой метафоре знаменитого индийского актера Капура и завершает ее стилистическим приемом гиперболы с упоминанием касты йогов, которой в реальности никогда не существовало. В реальности йога представляет одно из ортодоксальных направлений индийской философии, направленных на слияние индивидуума с божественными силами, которое достигается благодаря использованию аскетической техники дыхательных и физических упражнений, определенной системы гигиены питания, норм этики. Отметим, что в йоге берутся за основу философские тезисы индийского дуализма (или санкхьи), целевой установкой которого было размежевание двух начал пракрити, а именно материальной и духовной субстанций, для познания человеком особой духовной стези воссоединения с окружающим мирозданием через избавление (благодаря аскетизму) от страданий материального мира. Так, В.С. Высоцкий успешно раскрывает проблематику данного философского направления поэтической пародией о том, как йоги могли бы себя вести в условиях современной поэту действительности.

Рассмотрим данные строки в переводе Георгия Токарева на одном из сайтов [12]: “*What do we know of the Indian culture? // The films with endings which you can forecast, // A multi handed gold Shiva’s sculpture // And famous yogis – such a weird cast!*”. Вторая строка англоязычной версии, переводимая как «фильмы, финал которых можно предсказать» [9], содержит аллюзию на элемент индийской культуры, а именно фильмы с предсказуемым развитием сюжета, однако переводчик опускает упоминание знаменитого индийского актера, ставшего кумиром советских граждан тех лет, тем самым искажая авторский смысловой посыл и пародийную суть дескрипции. Кроме того, в третьей строке перевода, означающей «многорукая золотая скульптура Шивы» [9], мы замечаем вставку прилагательного «золотая», предназначенного для характеристики внешности Шивы, чего нет в авторском оригинале. Заметны значительные расхождения переводной версии и авторского описания Шивы как получеловека, у которого были и клыки, и руки. Подобные нестыковки перевода со стихотворным первоисточником В. Высоцкого объяснимы сложностью воссоздания всех метафорических образов поэта на иностранном языке (в частности, английском) в силу несоответствия грамматического и лексического строя данных языков и отсутствия точных

эквивалентов русской разговорной риторики в лексическом хранилище английского языка.

Отметим, что пародийная направленность данного стихотворения отчетливо видна и во втором столбце [1, с. 340]:

*Говорят, что раньше йог мог
Ни черта не бравиш в рот, – год,
А теперь они рекорд бьют –
Все едят и целый год пьют.*

Примечательны авторские окказионализмы с вкраплением частиц «ни» и «не», так как они представляют собой преломление разговорных фразеологизмов. Так, поэт искусно упомянул устойчивое выражение «*не брать в рот*» со значением «*не есть, не пить*» [3], а также фразеологизм «*побить рекорд*», обозначающий «*обойти, перещеголять*» [3]. Данное четверостишие, помимо пародийной нагрузки, является аллегорическим описанием эзоповым языком, которым мастерски владел Высоцкий, советского быта тех лет, когда проблема бытового пьянства, в том числе и среди локальных пропагандистов йоги, влияла на различные пласты советского общества.

Далее рассмотрим данные строки в переводе Г. Токарева [12]: “*Once a yogi in the mood // Could // Starve a month and manage with // Ease. But today they’ve got a new // Kink, // Eat a lot and in full view // Drink!*”. Первые две строки перевода, означающие «*однажды йог в настроении мог поголодать месяц и справиться с этим с легкостью*» [9], демонстрируют трансформацию авторской смысловой парадигмы с упоминанием голодания йогов в течение месяца, тогда как у автора зафиксирован год, также заметно отсутствие фразеологизма «*не брать в рот*». В последующих строках переводной версии отсутствует фразеологизм «*побить рекорд*», что упрощает смысловую и экспрессивную нагрузку данного четверостишия.

Отметим, что в предпоследнем четверостишии данного стихотворения сосредоточена смысловая кульминация, отражающая общественное кредо поэта и его активную гражданскую позицию в жизни советского общества [1, с. 341]:

*Но если даже йог не чувствует боли,
И может он не есть и не дышать,
Я б не хотел такой веселой доли –
Уметь не видеть, сердце отключать.*

В данных строках поэт метафорическими окказионализмами с элементами гиперболы характеризует поведение йогов, способных не чувствовать боль, долго не принимать пищу, а также сдерживать свое дыхание в течение длительного времени. Высоцкий противопоставляет всему свое мнение о том, что не готов к такой доле, требующей эмоционально дистанцироваться от происходящего. В переводной версии указанного стихотворения Г. Токарева данное четверостишие отсутствует, что лишь подтверждает трудность передачи авторских смысловых коннотаций на иностранном языке.

С философской позиции представляет интерес иное иронично-пародийное стихотворение Владимира Высоцкого, а именно «Баллада о переселении душ» 1969 г., в котором поэт в юмористическом ракурсе рассматривает идею реинкарнации. Эта идея в восточных религиях, в том числе и индийской, подразумевает после смерти тела повторный переход души в другое существо. Обратимся к строкам первого столбца [1, с. 347]:

*Кто верит в Магомета, кто – в Аллаха, кто – в Иисуса,
Кто ни во что не верит – даже в черта, назло всем, –*

Хорошую религию придумали индусы:

Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

В данных строках поэт индуцирует свои окказионализмы повтором местоимения «кто», доходя до определенного сарказма, или высшей степени иронии, так как метафорически акцентирует возможность, что подобная религия могла быть придумана индийцами, а это противоречит философии верующих, принимающих за аксиому тот факт, что любая религия дана им свыше.

Далее рассмотрим указанные строки в переводе Евгения Кошелева [11]: *“Who trusts in Mahomet, who – in Buddha, who – in Jesus, // And who in spite of all believes in naught, including hell. // A very nice religion was invented by old Hindus. // We don’t die forever when the spirit leaves the shell”*. В начальной строке, переводимой как «кто верит в Магомета, кто – в Будду, кто – в Иисуса» [9], упомянут Будда, тогда как у автора фигурирует Аллах. Во второй строке перевода, означающей «и который, несмотря ни на что, не верит ни во что, включая ад» [9], заметно отсутствие авторской аллюзии к злему духу славянской мифологии (черту).

В финальной строке перевода примечательно отсутствие авторского фразеологизма «отдать концы» с лексическим значением «умереть» [3]. Подобные опущения в структуре перевода нивелируют экспрессивную составляющую авторской смысловой парадигмы. Примечательно, что в дальнейшем стихотворном повествовании В. Высоцкого о реинкарнации заметны весомые расхождения с истинной сутью данного религиозного феномена. Увлекаясь пародийным пафосом, в четвертом столбце поэт заявляет [1, с. 347]: «Живи себе нормальненько – // Есть повод веселиться: // Ведь, может быть, в начальника // Душа твоя вселится». Однако в индийской философии идея кармы неразрывно коррелирует с последующей реинкарнацией. К тому же, согласно постулатам индийской философии, в обычной жизни важны многочисленные страдания, которые потом складываются в общую совокупность, или карму, влияющую на дальнейшее перевоплощение. В заключительном столбце поэт констатирует [1, с. 348]:

Я от восторга прыгаю,

Я обхожу искусства –

Удобную религию

Придумали индусы.

И этими строками поэт стремится привлечь внимание читателей к потенциальной опасности идеи реинкарнации, так как совершение плохих поступков по этим религиозным канонам не ведет к смерти, а может быть скрыто перевоплощением в другое существо.

Проблематика индийского мировоззрения фигурирует и в стихотворной притче В.С. Высоцкого «Песня про белого слона» 1972 г. Обратимся к начальным строкам второго столбца [1, с. 293]: «Слоны слонялись в джунглях без маршрута; // Один из них был белый почему-то». В этих строках поэт воспользовался каламбурной конструкцией «слоны слонялись» с вкраплением слов, близких по звучанию, но имеющих разные значения. При этом этимология глагола «слоняться» отсылает читателя к временам правления Екатерины II, когда привезенного из Персии в подарок императрице слона из-за отсутствия зоопарка выгуливали прямо на улицах города, из-за чего собирались толпы зевак. Далее поэт образно характеризует слона следующими строками [1, с. 293]: «Средь своих собратьев серых белый слон // Был, конечно, белою вороной». В данных строках поэт детерминирует образ слона посредством метафоры с вкраплением фразеологизма «белая ворона» с коннотацией «непохожий на окружающих» [3].

Теперь обратимся к переводу данных строк Аликом Вагаповым [10]: *“Being white it was "a rare bird" indeed // In the herd among its swarthy kindred”*. Стилистический анализ строк, переводимых как *«будучи белым, это действительно была "редкая птица" в стаде среди своих смуглых сородичей»*, демонстрирует отсутствие авторского упоминания птицы из рода воронов (фразеологизм *«белая ворона»*). Последующее авторское повествование подтверждает уникальность слона: тот умел делать реверансы и был чрезвычайно музыкален. В финале данной притчи ролевой персонаж после разлуки с реальным слоном получает в подарок от владыки Индии статуэтку белого слона *«из слоновой кости»*. Однако, вопреки ожиданиям индийского властителя, подарок порождает недовольство персонажа, заявляющего в последнем четверостишии [1, с. 294]: *«Пусть гуляет лучше в белом стаде белый слон, // Пусть он лучше не приносит счастья!»*. В данных строках словесная ирония аллегорично отсылает к традиции советского мещанского быта коллекционировать семь фигурок слона, означающих счастье.

Таким образом, Высоцкий воспользовался образом белого слона не только как символом значимого животного в индийской культуре, но и как философской аллегорией о человеке, не поддающемся адаптации к текущим стандартам, т.е. олицетворение белого слона стало символом личностной уникальности и вызова серости как символу невежества.

Косвенное упоминание индийской культуры поэт также использует в «Песне Попугая» 1973 г., которую он написал для аудиоспектакля «Алиса в стране чудес». В данном шуточном произведении с элементами нонсенса и гиперболы говорящий попугай называет себя *«пиратом морей»*, что представляет собой авторскую трансформацию известной в советскую эпоху метафоры *«пираты – гроза морей»*, тогда как своего отца попугай именует *«папапоугай какаду»*. Данное окказиональное выражение является примером успешной авторской поэтической контаминации, поскольку контаминация привела к образованию нового существительного на основе слияния элементов двух схожих слов: *«папа»* и *«попугай»*. Красочно пересказывая свою богатую приключениями биографию, попугай в заключительном четверостишии утверждает [1, с. 160]:

*Я Индию видел,
Иран и Ирак,
Я инди-и-видум – не попка-дурак.*

В данных ироничных строках попугай подводит итог рассказу о своих дальних путешествиях, а также стремится вызвать уважение у окружающего мира тем, что побывал во многих популярных среди советских граждан странах, в том числе и в Индии. В третьей строке автор умело вставляет свой окказионализм с несколькими тире, подразумевая метафорическую игру слов с переделыванием *«индивидуум»* на шуточный аналог *«инди-и-видум»* с коннотацией *«Индию видевший»*. Таким образом, от имени персонажа поэт посредством языковой игры заявил о своем почтении к далекой и непривычной для советского человека стране и культуре.

В завершение отметим, что феномены индийской культуры и философии неизменно притягивали Владимира Высоцкого своей экзотикой и уникальностью традиций и ритуалов, выступая в качестве триггера для аллегорического повествования о многочисленных социальных проблемах советской эпохи. Результаты лексико-семантического и стилистического анализа ряда стихотворений с упоминанием Индии продемонстрировали разнообразие юмористических средств образности, включая пародию, выраженную посредством доминанты авторских окказионализмов на основе преломления фразеологизмов советского времени. В переводных аналогах данных

произведений замечено приблизительно 7 % неточностей при описании широкого спектра поэтических образов, в том числе и с аллюзией к индийской культуре.

Библиографический список

1. Высоцкий В.С. Собрание сочинений: в 4 кн. М.: Надежда-1, 1997. Кн. 3. 587 с.
2. Гусева Н.Р. Познакомимся с индуизмом. Популярные очерки. М.: Форум, 1999. 104 с.
3. Ефремова Т.Ф. Самый полный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, 2015. Т. 1–3. 3312 с.
4. Кальянов В.А. Артхашастра, или Наука политики. М.: Наука, 1993. 793 с.
5. Новиков В.И. Книга о пародии. М.: Советский писатель, 1989. 544 с.
6. Пименов В.А. Возвращение к дхарме. М.: Наталис, 1998. 415 с.
7. Смирнов М.Г. Философия Мадхавы Садашивы Голвалкара: дис. ... канд. филол. наук: 09.00.03. Екатеринбург, 2002. 190 с.
8. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: избранные труды. М.: Аграф, 2002. 495 с.
9. Электронный словарь МультиТран. URL: <https://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=DownloadFile> (дата обращения: 07.03.2024).
10. Vagarov A. The song of the white elephant. URL: <https://wysotsky.com/1033.htm?72> (дата обращения: 17.03.2024).
11. Koshelev E. Song of reincarnation. URL: <https://wysotsky.com/1033.htm?638> (дата обращения: 20.03.2024).
12. Tokarev G. About a yogi. URL: <https://wysotsky.com/1033.htm?535> (дата обращения: 20.03.2024).

INDIA IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHY AND SONG POETRY OF VLADIMIR VYSOTSKY (AS EXEMPLIFIED IN SOME ENGLISH TRANSLATIONS)

O.A. Egorova

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article analyzes the image of India in the context of world philosophy, as well as in the context of its reflection through humorous imagery in Vladimir Vysotsky's songwriting. The proportionality of transmission of author's imagery in some analogs of poems in English is studied. It is noted that the results of lexico-semantic and stylistic analysis of imagery in V. Vysotsky's poems about India showed the actualization of parody problems and the dominance of author's metaphorical occasionalisms on the basis of refraction of colloquial phraseologisms of the Soviet era of the last century.*

Keywords: *national self-determination, Hinduism, metaphor, Vedas, pun, occasionalism, parody.*

Об авторе:

ЕГОРОВА Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Тверской государственной технической университет, Тверь, Россия; e-mail: mipe456@hotmail.com

About the author:

EGOROVA Olga Anatolyevna – Senior Lecturer of the Department of Second Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: mipe456@hotmail.com